

RU

Лингвистическая вариативность при переводе колоративов (на материале переводов английских народных сказок, выполненных Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской)

Никифорова А. М.

Аннотация. Целью настоящего исследования является установление лингвистической вариативности при переводе колоративов в текстах сказок (на материале английских народных сказок, собранных Д. Джейкобсом, и переводов, выполненных Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской). В статье изучены переводы колоративов девяти английских сказок двумя переводчиками и рассмотрена их вариативность: выбор эквивалента, символично-культурная трансформация (замена одного символически нагруженного цвета другим, приемлемым для целевой культуры), компенсация (перераспределение семантики цветочных слов в тексте при их непереводаемости в данном контексте), опущение (перевод без использования цветочных лексем). Научная новизна исследования заключается в том, что впервые были изучены способы передачи колоративных единиц в переводах сказок и выявлены три типа случаев лингвистической вариативности. В результате исследования установлено, что изучение вариативности при переводе колоративов позволяет увидеть, как разные переводчики интерпретируют и реконструируют для адресата не просто слова, а стоящие за ними перцептивно-семиотические комплексы.

EN

Linguistic variability in the translation of coloratives (based on translations of English folk tales by E. M. Chistyakova-Ver and N. V. Shershevskaya)

A. M. Nikiforova

Abstract. The aim of this research is to establish the linguistic variability involved in the translation of color terms (coloratives) in fairy tales, based on English folk tales collected by Joseph Jacobs and their Russian translations by E. M. Chistyakova-Ver and N. V. Shershevskaya. The article examines the translation of coloratives in nine English fairy tales by these two translators and analyzes their variability through several parameters: the choice of equivalent; symbolic-cultural transformation (replacing a symbolically charged color with another appropriate for the target culture); compensation (the redistribution of color semantics within the text when a term is untranslatable in a specific context); and omission (rendering the passage without the use of color lexemes). The scientific novelty of the study lies in the fact that it is the first to examine the methods of rendering colorative units in these specific fairy tale translations and to identify three distinct types of linguistic variability. The results of the study establish that the analysis of variability in colorative translation reveals how different translators interpret and reconstruct for the recipient not merely words, but the underlying perceptual-semiotic complexes.

Введение

Колоративы в фольклорных текстах – это не только лексемы, номинирующие цвет, но и единицы, обладающие культурными и символическими кодами. Прямой словарный перевод часто оказывается недостаточным, так как в фольклорном тексте цвет всегда функционален: он может быть знаком иного мира, символом, архетипом, несущим в себе пласт мифологических, социальных и этических значений.

Актуальность исследования связана с возрождением интереса к культурному коду и идентичности. В современной гуманитарной парадигме фольклор рассматривается как ключевой носитель культурного кода и национальной картины мира. Колоративная лексика, отражая архетипические, символические и этнопсихологические установки, позволяет декодировать некоторые механизмы трансляции культурного наследия

и изучить, как они могут передаваться при межъязыковом переносе (например, как передается семантика «страшного» через черный/красный или «волшебного» через золотой/серебряный). Актуальность также связана с обращением к творчеству Д. Джейкобса и к работам переводчиков Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской, которые часто остаются в тени исследований переводов. Лингвистический анализ их трудов может восполнить существующую лакуну.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи:

- обобщить ключевые подходы к изучению колоративной лексики в лингвистике, фольклористике и переводоведении;
- выявить цветковые лексемы в английских народных сказках, собранных Д. Джейкобсом, произвести их количественную оценку;
- провести сопоставительный анализ способов передачи данных единиц в переводах девяти сказок, выполненных Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской;
- выявить и описать лингвистическую вариативность при переводе колоративов и особенности переводческих стратегий Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской.

Материалом для исследования послужили 44 английские народные сказки, собранные Д. Джейкобсом, и используемые в них колоративы (137 употреблений), а также переводы 9 сказок, выполненные Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской (около 100 случаев переводческой работы с колоративами).

Теоретическую базу составили работы по семантике и символике цветообозначений (Кудрина, Мещеряков, 2011; Пичугина, 2012; Кузнецова, 2014), по различным аспектам функционирования цветовой лексики в текстах английского (Халеева, 2013; Власова, 2016; Егорова, 2019), а также английского и русского (Вавилова, 2021; Абакумова, 2023) фольклора, по вопросам перевода культурно-маркированной лексики, фольклорных текстов (Влахов, Флорин, 1980; Комиссаров, 1990; Федуленкова, 2019; Насырова, Погодина, 2025; Акулиничева, 2025).

В рамках настоящего исследования применялись следующие методы: контекстуальный анализ (при изучении колоративов в сказочных текстах), компонентный анализ (при рассмотрении семантической составляющей колоративов), количественный метод (при подсчете количества колоративов в сказках).

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в практике преподавания переводческих и фольклорных дисциплин, а также при разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, теории и практики перевода.

Обсуждение и результаты

Колоративная лексика представляет собой уникальный лингвистический феномен, находящийся на пересечении перцептивной физиологии, психологии, культурной антропологии и собственно языкознания. Ее изучением занимается лингвистика, культурология и переводоведение.

В рамках собственно лингвистики колоративы исследуются как элемент лексико-семантической системы языка. К числу наиболее авторитетных относятся работы Б. Берлина и П. Кея (Berlin, Kay, 1969), заложившие основы теории универсальности базовых цветковых категорий, и А. П. Василевича, С. Н. Кузнецовой и С. С. Мищенко (2005), посвященные системному анализу слов-цветонаименований в русском языке, их семантике, эволюции и функционированию. Применительно к фольклорному тексту данный подход трансформируется в лингвофольклористический (Праведников, 2021). Как отмечают исследователи (Власова, 2016; Егорова, 2019), колоративы в фольклоре выполняют не столько описательную, сколько кодирующую и символично-мифологическую функцию. Они становятся неизменными элементами поэтики, составляющими архетипических образов (черный/белый как оппозиция добра и зла, золотой как маркер сакральности и ценности, красный как цвет жизни и красоты, с одной стороны, и опасности, смерти, с другой). Изучение частотности, контекстного окружения и комбинаторики цветовой лексики позволяет выявить инвариантную «палитру» конкретной фольклорной традиции (Абакумова, 2023), что составляет основу для последующего сопоставительного анализа при переводе.

Лингвокультурологический подход, развитый в работах А. Вежицкой (1996), рассматривает цвет как один из ключевых культурных кодов. При этом подходе колоративы выступают как культурно-специфичные концепты, чья семантика наполняется уникальными для каждой этнической общности ассоциациями, символами и оценками (Пичугина, 2012; Кудрина, Мещеряков, 2011). В фольклоре эта специфика проявляется особенно ярко, что связано с древнейшими пластами мифологического сознания. Исследование национально-культурных установок, стоящих за цветом, – например, анализ «колороморфных» суеверий (Халеева, 2013) – демонстрирует, как один и тот же физический спектр членится и осмысливается по-разному. Для переводоведения это создает основную проблему: колоратив в исходном тексте актуализирует у носителя языка целый комплекс устойчивых представлений, который может частично или полностью отсутствовать у реципиента перевода.

В переводоведении колоративы могут рассматриваться как один из классов культурно-маркированной лексики и даже в некоторых контекстах – безэквивалентной (Комиссаров, 1990, с. 148; Влахов, Флорин, 1980, с. 30-31, 43). Основной фокус исследований сосредоточен на выявлении и систематизации стратегий преодоления межъязыковой и межкультурной асимметрии. Выделяются такие приемы, как: калькирование /

буквальный перевод (прямая передача цветообозначения), функциональная/контекстуальная замена (подбор цвета, выполняющего в принимающей культуре аналогичную символическую или эмотивную функцию), описательный перевод / экспликация (раскрытие смысла через развернутые конструкции); опущение/генерализация (снятие цветового признака при его нерелевантности или непередаваемости). Однако, как справедливо отмечают современные исследователи (Федуленкова, 2019, с. 90; Насырова, Погодина, 2025, с. 157), классическая классификация трансформаций подчас недостаточна для анализа перевода в художественном, а тем более фольклорном тексте. Требуется когнитивно-прагматический ракурс, учитывающий не только формальное соответствие, но и прагматический эффект, достигаемый переводчиком. В последние годы развивается подход, рассматривающий перевод как межкультурную медиацию концептов (Акулиничева, 2025, с. 20-21), где переводчик выступает в роли интерпретатора, реконструирующего для читателя перевода не просто слово, а стоящую за ним концептуальную структуру.

Фольклорный текст предъявляет переводчику особые требования: колоративы в сказке часто неоднозначны, могут совмещать номинативную, символическую и культурную функции. Перед переводчиком встает задача – определить, какой из этих компонентов является приоритетным для передачи в заданном контексте. Лингвистическая вариативность при переводе сказочных колоративов оказывается закономерным результатом сложного выбора, который переводчик осуществляет в пространстве, ограниченном с одной стороны системой исходного текста и культуры, с другой – нормами, ожиданиями и поэтикой языка и культуры перевода. Таким образом, анализ перевода колоративов в фольклорных текстах требует учета всех четырех аспектов: лингвистического (функция в тексте), культурологического (глубинный смысл), собственно переводческого (способ передачи) и когнитивно-прагматического (цель и обоснование выбора). Вариативность в переводах Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской будет отражать специфику их индивидуальных переводческих подходов.

Интегративный подход к анализу материала настоящего исследования позволяет синтезировать ключевые положения указанных направлений. Колоративы в сказках Д. Джейкобса – это элементы фольклорной поэтики, актуализирующие для слушателя/читателя набор культурных коннотаций. Выбор переводчиком конкретного приема (сохранение, замена, опущение и др.) и конечный лингвистический вариант определяются комплексом факторов: переводческой сверхзадачей (создание «русской сказки» или «перевода английской сказки»), интуитивным или осознанным пониманием культурного кода, требованиями стиля и ритма повествования.

Анализ английских народных сказок, собранных Д. Джейкобсом, позволил нам сделать вывод о том, что колоративы red / красный (19 употреблений в рассматриваемом корпусе текстов), white / белый (21) и black / черный (19) обладают наибольшей частотностью и высокой степенью символической нагрузки; реже встречаются колоративы green / зеленый (12), brown/коричневый (12), grey / серый (3), yellow / желтый (2), blue / синий (1). В основном колоративы используются в прямом значении (93% употреблений) и несут символическую нагрузку, которая может быть осмыслена с опорой на национально-культурные коды.

Далее мы обратились к переводам девяти сказок, выполненных Е. М. Чистяковой-Вэр (1908) и Н. В. Шершевской (1957): Childe Rowland / Рыцарь Роланд, Fish and the Ring / Рыба и кольцо, History of Tom Thumb / Том – мальчик с пальчик, Jack and His Golden Snuff-Box / Джек и золотая табакерка, Kate Crackernuts / Кет и орехи, Red Ettin / Красный Итти, The Laidly Worm of Spindleston Heugh / Заколдованная принцесса, The Three Heads of the Well / Три головы в колодце, Tom Tit Tot / Том-Тит-Тот.

Условно переводы колоративов в данных сказках можно разделить на четыре группы: 1) переведено с использованием эквивалентного колоратива (red / красный); 2) переведено путем лексической замены колоратива (с использованием другого цветового слова – green ((зеленый)/черный); 3) случаи добавления колоратива в целевом тексте при его отсутствии в исходном тексте (применение приема компенсации); 4) переведено без использования колоратива (опущение).

Всего было проанализировано около 100 случаев переводческой работы с колоративами. Первая вышеуказанная группа, когда переводчики прибегали к дословному переводу или нулевой трансформации по В. Н. Комиссарову (Гарбовский, 2023, с. 422), составляет примерно 60% от всех рассмотренных нами случаев перевода. Так, варианты перевода **“golden heads”** как «золотые головы» в сказке **“The Three Heads of the Well”** или **“a gold chain”** как «золотая цепь» в сказке **“Childe Rowland”** демонстрируют совпадение символической семантики колоратива золотой/golden в языке перевода и исходном языке. В работе «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Пропп подробно описывает смысловую нагрузку этого цвета в фольклорных текстах: «...всё, что окрашено в золотой цвет, этим самым выдает свою принадлежность к иному царству» (2000, с. 245). Данную группу мы не будем подробно рассматривать, поскольку эти колоративы не вызывают трудностей в процессе перевода по причине совпадения культурных кодов. Четвертая группа также не будет составлять предмет нашего исследования в рамках настоящей статьи (15%), поскольку требует отдельного детального анализа, который будет осуществлен в последующих работах.

Обратимся ко второй группе колоративов, которые были переведены посредством лексической замены (19% от общей выборки). Из сопоставительной Таблицы 1 можно увидеть, что по крайней мере в одном из рассматриваемых переводов перевод осуществляется через лексическую замену колоратива.

Рассмотрим первый пример из Таблицы 1: перевод культурной реалии **“brown bread”** как «черный хлеб». Данный перевод является классическим примером лингвокультурной адаптации. Понятие **“brown bread”** в британской культуре можно считать культурно-маркированной реалией. Концепт **BROWN BREAD** (<https://slivar-vocab.com/english/websters-international-vocab/brown-bread-8456791.html>, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/brown%20bread>, https://www.answers.com/travel-destinations/Why_the_brown_bread_comes_from_England)

включает семы «цельнозерновая мука», «здоровое питание», «источник клетчатки», а также исторически – «простота», «бедность», «отсутствие изысков». Концепт ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ <https://litlife.club/books/88556/read?page=1749>, <https://znachenie-slova.ru/хлеб> в русской культуре содержит схожие семантические компоненты: «ржаная мука», «сытость», «еда простого народа», «ржаной хлеб всему голова», «бедность». Переводчики выбирают вариант «черный хлеб», потому что в русской лингвокультуре «черный хлеб» (ржаной) исторически и культурно занимает ту же концептуальную нишу, что и «brown bread» в британской: это хлеб простолюдинов, символ скудного пайка в противовес «белому» (пшеничному, праздничному) хлебу. Таким образом, переводчики игнорируют денотативный признак (коричневый), сосредоточившись на социально-культурном контексте («простой, дешевый, грубый хлеб»). Таким образом, переводческая трансформация позволяет сохранить исходный замысел: девушка получает скудную, простую еду.

Таблица 1. Сопоставительная таблица переводов английских народных сказок

№	Текст сказки	Перевод Е. М. Чистяковой-Вэр	Перевод Н. В. Шершевской
1.	She went to the queen, who gave her a canvas bag of brown bread and hard cheese with a bottle of beer (The Three Heads of the Well)	Мачеха, однако, дала принцессе полотняный мешок, в который положила лишь черный хлеб, несколько кусков сыра и бутылку пива	Принцесса пошла к королеве, и та дала ей ломоть черного хлеба и кусок черствого сыра в холщовом мешке да бутылку пива
2.	“Yes,” said she, and taking it in her lap combed it with a silver comb , and then placed it upon a primrose bank (The Three Heads of the Well)	– Хорошо, – сказала Изабелла и, взяв голову в передник, смыла с нее ил, причесала ее золотой гребеночкой , а потом положила на траву	Взяла голову к себе на колени, расчесала ей волосы серебряным гребнем , потом положила ее на желтый песок
3.	...till you come to a round green hill , surrounded with terrace-rings, from the bottom to the top (Childe Rowland)	...и ты увидишь круглый черный холм , от подножья до вершины окруженный террасами	...и ты увидишь круглый зеленый холм . От подножья до самой вершины он опоясан террасами
4.	And he went on a little further, till he came to an old woman in a grey cloak , and he asked her if she knew where the Dark Tower of the King of Elfland was. (Childe Rowland)	Пройдя дальше, он увидел старуху в черном плаще и спросил опять, где черный замок короля	А Чайлд-Роланд прошел немного дальше и увидел старуху в серой накидке
5.	“Here, mother,” replied he, “in the red cow’s mouth ” (The History of Tom Thumb)	Тут, мама, – ответил он, – во рту рыжей коровы!	– Здесь, мама! – ответил он. – Во рту у Краснушки
6.	...and rising up he went to a chest from which he took a phial filled with a blood-red liquor (Childe Rowland)	Поднявшись, он подошел к ящику, из которого вынул графин, полный ярко-красной жидкости	Он поднялся с колен, подошел к сундуку и вынул из него склянку с кроваво-красной жидкостью
7.	The Red Ettin of Ireland (The Red Ettin)	Красный Итти	Рыжий Эттин

Обратимся ко второму пункту Таблицы 1. Выражение “silver comb” (англ. «серебряная гребенка») превращается в «золотую гребеночку» в переводе Е. М. Чистяковой-Вэр и остается «серебряным гребнем» у Н. В. Шершевской. Данное разночтение в передаче реалии представляет собой наглядный случай двух фундаментально различных стратегий в переводе фольклорных текстов. Перевод Н. В. Шершевской ориентирован на максимально точную передачу лексико-семантического состава оригинала, что соответствует принципам формальной (языковой) эквивалентности (Найда, 1978, с. 118). Задача переводчика – предоставить русскоязычному читателю максимально близкий к оригиналу текст с сохранением его специфики. Серебро (silver) имеет в англоязычной сказочной традиции особую символику: связь с миром фей (Briggs, 1959. p. 13), с луной (Mircea, 1978, p. 49-50), магией (Davies, 2007, p. 4, 36, 175). Сохраняя «серебряный гребень», переводчик точно передает денотативный признак и воспроизводит культурный код, характерный для английского фольклорного описания сферы волшебного.

Перевод Е. М. Чистяковой-Вэр демонстрирует стратегию культурно-когнитивной адаптации (доместикации), при которой переводчик стремится вызвать у носителя языка реакцию, аналогичную реакции исходной аудитории. В русской сказочной традиции существует устойчивая иерархическая бинарная оппозиция «золото/серебро», где: золото – это абсолютная ценность, высшая степень чудесного, царственный металл, связанный с солнцем, победой и главным героем, а серебро обладает вторичной или иной символикой (часто – девичья красота), но в контексте волшебного дара или награды оно всегда уступает золоту. Кроме того, символика серебра в русском фольклоре характеризуется амбивалентностью: так, в «серебряную чарочку» могут обернуться преследователи (Пропп, 2001, с. 53), серебряным может оказаться «предмет недостачи» (Пропп, 2001, с. 70-71), наконец, серебро всегда меньше ценится, чем золото, особенно это ярко демонстрируется в сказках о золотом, серебряном и медном царствах – «самая лучшая девушка проживает в золотом царстве или доме» (Лызлова, 2019, с. 39). Для того чтобы сказочный предмет (comb / гребень) был однозначно воспринят как ценный волшебный дар, переводчик заменяет металл в соответствии с русской сказочной концептосферой на золото, осуществляя сознательную когнитивную трансформацию.

Сходные переводческие решения мы наблюдаем и в таких случаях, как пункты 3, 4, 5, 6 Таблицы 1: Н. В. Шершевская следует лингвоцентричной парадигме, отдавая приоритет тексту-оригиналу, а Е. М. Чистякова-Вэр действует в русле культуросцентричной парадигмы, отталкиваясь от восприятия и культурных кодов адресата.

Обратимся к словосочетанию с колоративным компонентом “green hill”, которое употребляется в ряде сказок (Childe Rowland, Kate Crackernuts) и которое переводится по-разному – «зеленый холм» (Шершевская) и «черный холм» (Чистякова-Вэр). В разделе “Notes and References” Д. Джейкобс в комментариях к сказкам отмечает, что образ зеленых холмов тесно связан с легендами о троллях, феях и других существах, которые

обитали в курганах, обладали необъяснимой силой и могли помогать или вредить людям (Jacobs, p. 155-156). Изучая символично-культурную составляющую цвета “green” (зеленый), можно увидеть неоднозначные трактовки. Например, С. А. Халеева (2013, с. 185) в ходе анализа суеверного дискурса пришла к выводу, что зеленый цвет является семиотическим маркером, ассоциирующимся с неудачей. А. В. Кудрина и Б. Г. Мещеряков, проведя ассоциативный эксперимент, продемонстрировали, что для представителей англосаксонской культуры зеленый цвет «имеет преобладающие положительные коннотации» (2011, с. 14). Исследование О. Б. Абакумовой (2023, с. 103) фразеологии с компонентом “green” позволило выявить две ключевые семантические зоны его функционирования в английском языке: характеристику возрастной незрелости (молодость/неопытность) и выражение негативной эмотивности. Концептуальная биполярность колоратива “green” (жизнь/зависть, хороший/плохой) может быть объяснена влиянием кельтской мифологии, под воздействием которой появилась отрицательная семантическая составляющая (Пичугина, 2012, с. 19).

В рассматриваемых сказках “green hill” выходит за рамки простого пейзажа и является значимым культурным и нарративным кодом. Холм чаще всего выступает не как часть привычного сельского пейзажа, а как точка доступа к иному миру (Briggs, 1959. p. 88), функционирует как граница между человеческим и волшебным. В изученных нами сказках холм открывается в определенное время (сумерки, полночь), давая вход в подземное/скрытое царство фей. Для английской традиции «зеленый» цвет холма важен как маркер пасторальной идиллии и окультуренности природы, именно поэтому в переводе Н. В. Шершевской колоратив сохраняется. В русской фольклорной картине мира холм, курган, гора также, как и английское hill, связаны с потусторонним миром, но не описываются через зеленый цвет. Е. М. Чистякова-Вэр использует прилагательное «черный», чтобы сохранить и усилить главный мотив сюжета – связь с иным, потусторонним, опасным миром, что в большей степени характерно для русской фольклорной традиции («черный ворон», «черный камень», «черная рать»).

Сходными мотивами можно объяснить переводческие решения, в результате которых фраза “an old woman in a grey cloak” (Таблица 1, п. 4) была передана на русский язык как «старуха в черном плаще» (Чистякова-Вэр) и «старуха в серой накидке» (Шершевская). Прилагательное «серый», вообще не характерное для русской сказочной цветовой палитры, было заменено Е. М. Чистяковой-Вэр на «черный» с целью указания на принадлежность старухи к «чужому», потенциально опасному пространству. Для англоязычных носителей языка серый может ассоциироваться со старостью и мудростью (Абакумова, 2023, с. 105), поэтому Н. В. Шершевская намеренно сохранила колоратив, стремясь к максимальной близости к оригиналу. Сохраняя серый цвет в переводе, Н. В. Шершевская передает лишь его прямое значение, тогда как культурные коннотации, понятные англоязычному читателю, для русскоязычной аудитории оказываются утраченными.

Рассмотрим п. 5 Таблицы 1 и проанализируем перевод колоратива «red/красный» на русский язык из сказки “The History of Tom Thumb”. Е. М. Чистякова-Вэр использует межкультурный эквивалент «рыжий», характерный для описания масти коровы в русском фольклорном дискурсе, тогда как Н. В. Шершевская придумывает для коровы имя «Краснушка», используя характерный для русского языка уменьшительно-ласкательный суффикс и сохраняя при этом исходную цветовую палитру (через корень *красн-*). Поскольку роль коровы в данном тексте эпизодична, обе стратегии можно считать оправданными: Е. М. Чистякова-Вэр делает акцент на узнаваемости (типичная масть), Н. В. Шершевская – на создании понятного сказочного персонажа, который важен для детской аудитории.

А в сказке “The Red Ettin” (п. 7) переводчики поступают с точностью до наоборот: Е. М. Чистякова-Вэр называет героя «Красный Итти», а Н. В. Шершевская – «свирепый Эттин, рыжий Эттин». Как отмечает О. Б. Абакумова, «одним из основных значений красного в английской лингвокультуре является опасность, угроза» (2023, с. 101). В русской культуре и красный, и рыжий имеют негативные коннотации и в целом подходят для имени отрицательного персонажа: в словаре В. И. Даля находим – «С рыжим дружки не води, с черным в лес не ходи. Рыжий, как огонь. Рыжий да красный, человек опасный. Рыжих и во святых нет» (<https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-r/1719>). Однако в русской традиции за красным, как правило, сохраняется позитивная семантика (Козьякова, 2023, с. 70, 77), особенно в фольклорных текстах (Вавилова, 2021, с. 99): ср. значения у прилагательного «красный» в Большом толковом словаре русского языка: «4. Устар. Самый лучший, высшего качества. 5. Трад.-поэт. Красивый, прекрасный. 6. только полн. Трад.-нар. Парадный, почетный. 7. Трад.-нар. Радостный, счастливый. 8. Нар.-поэт. Ясный, яркий, светлый» ([https://gramota.ru/poisk?query=красный%20&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=красный%20&mode=slovari&dicts[]=42)). Поэтому перевод как «Красный Итти» может ввести читателя в заблуждение, поскольку аналогичные русские сказочные сюжеты предполагают использование колоратива «красный» в основном в значении «красивый»: «красная девица», «красный молодец», «красное солнышко».

Кроме того, перевод “Red Ettin” как «рыжий» более уместен еще и потому, что в обеих культурах рыжий человек воспринимается как подозрительный, опасный, ненадежный. В рамках английского суеверного дискурса, как показывает в своем исследовании С. А. Халеева (2003), знак “red hair” (рыжие волосы) маркируется всегда негативно, ассоциируясь с невезением. Этот стереотип выражается в комплексе отрицательных характеристик, приписываемых рыжеволосым: жестокость, злоба, хитрость, похотливость, ненадежность (Халеева, 2013, с. 181). В русской культуре – толковые словари наглядно демонстрируют отрицательные семантические характеристики прилагательного «рыжий» при описании человека: «Отличающийся от других (в худшую сторону). Что я, р.?» (Большой толковый словарь русского языка), «Рыжий, рыжий, конопатый, | Ыбил дедушку лопатой – детская дразнилка рыжеволосого мальчика» (Большой универсальный словарь русского языка) (<https://gramota.ru/poisk?query=рыжий&mode=slovari>).

Рассмотрим перевод следующего выражения с колоративом “filled with a blood-red liquor” (Таблица 1, п. 6). В обоих вариантах пропадает упоминание алкогольного напитка, поскольку переводчицы ориентируются на детскую аудиторию, а цвет передается как ярко-красный (Е. М. Чистякова-Вэр) и как кроваво-красный (Н. В. Шершевская). В рамках контекста важно сохранить семантический компонент «жизнь», «кровь», поскольку этот ликер способствует оживлению братьев, подобно живой воде в русских сказках. С нашей точки зрения, оба перевода достигают этой цели. Первый – за счет использования слова «ярко», которое часто используется при описании крови (см. словари русского языка: <https://gramota.ru/poisk?query=кровь&mode=slovary>), второй – при помощи обращения непосредственно к лексеме «кроваво».

Обратимся к третьей группе переводов, весьма малочисленной (6% от всей выборки): когда в оригинальном тексте колоратив отсутствует, но он появляется в переводе. Рассмотрим перевод “primrose bank” (Таблица 1, п. 2), что дословно означает «берег/склон, покрытый первоцветами»: Е. М. Чистякова-Вэр опускает лексическую единицу “primrose” и переводит «потом положила на траву», а Н. В. Шершевская – «потом положила ее на желтый песок». Первоцвет (primrose) – один из самых первых и любимых весенних цветков в Великобритании. Его появление – знак прихода весны, пробуждения природы, конца зимы и тяжелых времен. Упомянув первоцвет, сказка мгновенно погружает слушателя в локальный, узнаваемый пейзаж. И хотя колоратив явно не назван, семантическая составляющая лексемы “primrose” содержит цветовой компонент “yellow / желтый” (<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/primrose>). В народных англосаксонских поверьях первоцвет обладал магическими свойствами: он мог открывать двери в сказочные миры (эльфов, фей) или служить защитой от нечистой силы (Бриггс, 2005, с. 206-207; Briggs, 1959, p. 44). Таким образом, “primrose bank” – это знаковый элемент британского сказочного хронотопа. В русском фольклоре подобный флористический элемент отсутствует, и перед переводчиками встает сложная задача передачи этого многослойного образа, содержащего смы «весна», «желтый цветок», «первоцвет», «волшебство», «феи», «граница между мирами». Дословный перевод как «склон с первоцветами», сохраняющий ботаническую точность, признак сезонности и культурный код, переводчиков не устраивает, поэтому Е. М. Чистякова-Вэр прибегает к приему опущения, а Н. В. Шершевская к смысловой (семантической) модуляции и культурной адаптации. Художественно полноценный образ «желтый песок», который выполняет в сюжете ту же нарративную функцию (эффектное, запоминающееся место действия) и вызывает схожую эмоциональную реакцию (удивление, эстетическое любование), сохраняет код сказочной условности и волшебного ландшафта, но теряет ряд культурно значимых смыслов («весна», «первоцвет», «волшебство», «феи», «граница между мирами»).

Итак, подводя итоги нашему анализу, подчеркнем, что наибольший интерес в плане изучения лингвистической вариативности представляют случаи перевода путем лексической замены колоративного компонента, случаи добавления колоратива в целевом тексте при его отсутствии в исходном тексте и перевод без использования колоративов.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

- обобщение подходов к изучению колоративной лексики в лингвистике, фольклористике и переводоведении привело нас к пониманию, что анализ перевода колоративов в фольклорных текстах требует учета нескольких аспектов: лингвистического (функция в тексте), культурологического (глубинный смысл), собственно переводческого (способ передачи) и когнитивно-прагматического (цель и обоснование выбора);
- были проанализированы 44 английские народные сказки, собранные Д. Джейкобсом и выявлены цветочные лексемы (137 употреблений), которые в основном используются в прямом значении (93% употреблений) и несут символическую нагрузку;
- был проведен сопоставительный анализ способов передачи колоративов в переводах девяти сказок, выполненных Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской, и выявлены три типа случаев лингвистической вариативности (переведено путем лексической замены колоратива; переведено при помощи добавления колоратива в целевом тексте при его отсутствии в исходном тексте (применение приема компенсации); переведено без использования колоратива (опущение));
- описаны особенности переводческих стратегий Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской в работе с колоративами (тенденция к русификации/фольклоризации цвета и тенденция к сохранению инофонного колорита).

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно указать изучение случаев переводов в фольклорных текстах, когда происходит отказ от передачи в переводе колоративов (как семантически избыточных единиц оригинала) и перераспределение или нивелирование их семантики.

Материалы исследования | Research materials

1. Английские народные сказки в переводе Е. М. Чистяковой-Вэр. http://az.lib.ru/d/dzhekobs_d/
2. Английские народные сказки в переводе Н. В. Шершевской. https://royallib.com/read/shershevskaya_natalya/anglijskie_narodnie_skazki.html#525270
3. Большой англо-русский и русско-английский словарь. https://dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus/

4. Большой толковый словарь русского языка. [https://gramota.ru/poisk?query=красный%20&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=красный%20&mode=slovari&dicts[]=42)
5. Большой универсальный словарь русского языка. <https://gramota.ru/poisk?query=рыжий&mode=slovari>
6. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. Изд-е 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2023.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-k/1674>
8. Значение слова «хлеб» в 13 словарях. <https://znachenie-slova.ru/хлеб>
9. Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/>
10. English Fairy Tales Collected by Joseph Jacobs. <https://languageadvisor.net/wp-content/uploads/2023/06/Book-Fairy-Tales-English-Fairy-Tales-by-Joseph-Jacobs.pdf>
11. Merriam-Webster Dictionary. <https://www.merriam-webster.com/dictionary/>

Источники | References

1. Абакумова О. Б. Семантика цвета в русских и английских фразеологизмах и пословицах с колоративами // Art Logos (искусство слова). 2023. № 1.
2. Акулиничева Е. О. Перевод как инструмент межкультурных коммуникаций: теоретико-методологические основания // Вестник культуры и искусств. 2025. № 3 (83).
3. Бриггс К. Волшебные существа: Энциклопедия. СПб.: Азбука-классика, 2005.
4. Вавилова К. Ю. Символика в английском и русском сказочном фольклоре: опыт сравнительного анализа // Филология: научные исследования. 2021. № 11.
5. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А. П. Василевича. М.: КомКнига, 2005.
6. Власова Е. А. Лингвосоциокультурный аспект цветообозначений (на примере цветообозначений белый-white, черный-black, красный-red): в 3 ч. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5-1 (59).
7. Вежицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
8. Влахов С., Флорин С. Непере译имое в переводе. М.: Международные отношения, 1980.
9. Егорова О. А. Национальное своеобразие женских персонажей британских сказок (на материале сравнений и эпитетов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 11. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.11.29>
10. Козьякова М. И. Красный цвет как исторический символ русской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 4 (114). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-4114-68-79>
11. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990.
12. Кудрина А. В., Мещеряков Б. Г. Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 1.
13. Кузнецова М. С. Символизм триколора «красный – белый – черный» в ирландских сказках «Лейнстерской книги» // Евразийский союз ученых. 2014. № 9-12.
14. Лызлова А. С. Сказки о трех царствах (медном, серебряном и золотом) в лубочной литературе и фольклорной традиции // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 1.
15. Найда Ю. А. К науке переводить: принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сборник статей. М.: Международные отношения, 1978.
16. Насырова Г. Н., Погодина Т. Ю. К вопросу о контекстуальной вариативности при переводе полисемантических слов в англоязычных текстах СМИ // Политическая лингвистика. 2025. № 3 (111).
17. Пичугина А. А. Влияние кельтского элемента мифологической культуры британских островов на символику английских лексических цветообозначений: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2012.
18. Праведников С. П. Лингвофольклористика в научном пространстве гуманитаристики и вузовском учебном плане // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 4. <https://doi.org/10.18572/2687-0339-2021-4-42-45>
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000.
20. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001.
21. Федуленикова Т. Н. Сопоставительное исследование фразеологической вариантности в английском и русском языках (на материале фразеологических единиц с компонентом give / давать) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 4. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2019-5-4-0-8>
22. Халеева С. А. Национально-культурные цветоустановки и знаковое своеобразие английских «колороморфных» суеверий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28).
23. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. Berkeley: University of California Press, 1969.
24. Briggs K. M. The anatomy of Puck. An examination of fairy beliefs among Shakespeare's contemporaries and successors. L.: Routledge & Kegan Paul, 1959.
25. Davies O. Popular Magic: Cunning-folk in English History. L.: Hambledon Continuum, 2007.

26. Jacobs J. Notes and References // English Fairy Tales Collected by Joseph Jacobs. Pennsylvania State University Publ. <https://languageadvisor.net/wp-content/uploads/2023/06/Book-Fairy-Tales-English-Fairy-Tales-by-Joseph-Jacobs.pdf>
27. Mircea E. The Forge and the Crucible: The Origins and Structure of Alchemy / trans. from the French by S. Corrin. 2nd ed. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 1978.

Информация об авторах | Author information

RU**Никифорова Алиса Михайловна¹**, к. филол. н.¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург**EN****Alisa Michkailovna Nikiforova¹**, PhD¹ Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg¹ anirodis@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.01.2026; опубликовано online (published online): 10.03.2026.

Ключевые слова (keywords): перевод колоративов в английских сказках; лингвистическая вариативность при переводе колоративов; переводческие стратегии Е. М. Чистяковой-Вэр и Н. В. Шершевской; translation of coloratives in English folk tales; linguistic variability in the translation of coloratives; translation strategies of E. M. Chistyakova-Ver and N. V. Shershevskaya.